

*Владимир Дмитриевич Лебедев,
Россия, Москва, Государственный архив
Российской Федерации, ведущий
специалист, кандидат исторических наук*

Иностранная военная интервенция в России: по документам Государственного архива Российской Федерации

Вопрос о значении военной интервенции в годы Гражданской войны, ее целях и задачах, позиция руководителей участвующих в ней стран в отношении России – традиционная тема для отечественной историографии. Преобладает мнение, что интервенция направлена на развал и политическое ослабление бывшей Российской империи, поддержку марионеточных национальных правительств ее окраин, а также захват важнейших предприятий и природных месторождений. Отметим, что подобной точки зрения придерживались не только советские, а затем – российские историки, но и представители эмиграции, в том числе участники Белого движения¹. Однако некоторые проблемы изучены поверхностно. К ним относятся, в первую очередь, следующие вопросы: какие конкретные действия предпринимали оккупационные власти по захвату предприятий, в частности порядок управления ими, распределения доходов и пр.? какую политику они проводили по отношению к местному населению, действительно ли эта была поддержка представителей

национальных меньшинств и в каких правовых формах она происходила? Хотя в некоторых современных монографиях эти вопросы уже получили определенное освещение, они все же полностью не раскрывают их, поскольку касаются только отдельных территорий, подконтрольных командованиям Белых армий и затрагивают их отношения с руководителями ведущих стран Европы, как правило, Франции и Великобритании².

Для решения поставленных задач необходимо ввести в научный оборот документы, значительная часть которых сосредоточена в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В настоящее время состав фондов размещен на сайте ГА РФ.

Во-первых, это весьма разнообразные по видам и содержанию источники, сохранившиеся в фондах консульских учреждений, расположенных в городах, контролируемых Белыми армиями. В частности, большие по объему материалы отложились в фондах консульств и миссий на юге России: Великобритании, Франции, Бельгии, Греции, Испании, Польши, Персии.

Во-вторых, представляют интерес и документы белогвардейских правительств и их учреждений: Временного правительства Северной области, правительства Северо-Западной области, Временного Сибирского правительства и др.

В-третьих, сведения по истории военной интервенции хранятся в архивных коллекциях: материалов по интервенции в Приморье, Русского правительственного комитета по заготовкам в Англии и заготовительно-ликвидационной комиссии в Лондоне, собранных Т.Н. Беляевым, информационных материалов Советской России, Германии, Польше и других странах за 1917–1937 гг., – а также фондах различных эмигрантских общественных организаций.

В составе вышеназванных учреждений и организаций сохранились протоколы заседаний, служебная переписка, доклады, рапорты, к которым прилагались справки и газетные вырезки. Большинство документов являются подлинниками либо заверенными копиями. Изучение их содержания позволяет сделать ряд выводов.

Сам факт существования консульских учреждений и миссий опровергает суждения отдельных советских авторов, что правительства стран Антанты и нейтральных государств в правовом отношении ставили задачи оккупировать Россию или превратить ее окраины в колонию. Отметим, что подобные учреждения отсутствовали у Германии, Австро-Венгрии и Турции, действительно оккупировавшие по Брест-Литовскому миру всю западную часть бывшей Российской империи и Кавказа. Анализ документов дипломатической переписки показывает, что характер деятельности иностранных властей зависел от внешней политики той страны, которую они представляли. В свою очередь, руководители Белого движения часто полагали, что она, по возможности, должна быть сохранять преемственность от внешнеполитического курса царского и Временного правительств, должна учитывать принятые договоры и обязательства. При работе с документами иностранных консульских учреждений важно учитывать, что их позиция была predetermined указаниями и распоряжениями центральных органов власти. Чтобы провести источниковедческий анализ этих документов, необходимо исследовать характер политической борьбы по тому или иному вопросу. Как правило, это позволяют сделать документы

из архивной коллекции, где сосредоточены рапорты и донесения о политической ситуации в Европе, Азии и Америке органов политической и военной разведки белогвардейских частей штабов³, а также материалы периодической печати.

Отметим, что международные отношения в период Гражданской войны не всегда имели корыстный и эгоистический характер. Так, в архиве Греческого королевского консульства в Екатеринодаре хранится телеграмма консула, направленная 23 января 1919 г. на имя начальника Кубанской области, с благодарностью за сбор пожертвований греческим беженцам в Карской области⁴. Через два года греческое правительство, несмотря на экономические трудности, вызванные войной с Турцией, безвозмездно окажет помощь российским эмигрантам и военнослужащим армии П.Н. Врангеля⁵. Документы по этому вопросу хранятся в фонде уполномоченного Российского общества Красного Креста в Константинополе.

Несколько иначе развивались отношения с Францией и Великобританией, где еще до Первой мировой войны общественность и ряд политиков выступали за поддержку национальных движений на западных окраинах России⁶. Подобные же настроения сохранились и в послевоенный период, в том числе и среди армейского высшего командного состава. Так, капитан Бертелло в отчете на имя командующего французскими силами на юго-западе России генерала А. Бертелло от 14 февраля – 1 марта 1919 г. лозунг великой и единой России оценивал негативно⁷. В то же время в письме главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала А.И. Деникина генералу А. Бертелло отмечено, что при выработке соглашения между русскими и французскими властями недопустимо передавать, как это желает французский представитель, русские бригады под французское командование. Точно так же нельзя назначать большинство офицеров из уроженцев Украины. «Русское офицерство, – писал А.И. Деникин, – ясно отдавая себе отчет о происходящем, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему с которым оно составляет единое целое»⁸. В ГА РФ хранится проект соглашения главнокомандующего Добровольческой армии с французским командованием о разграничении полномочий⁹. Принимая во

внимание позицию и настроения высшего офицерского состава иностранных войск, даже незначительная помощь с их стороны вызывала благодарность от командования Белых армий. Так, были отмечены боевыми наградами летчики французского авиационного отряда, производившие на фронте 3-й армии воздушную разведку, что зафиксировано в приказе № 191 адмирала А.В. Колчака¹⁰.

По-видимому, подобные эпизоды в истории Гражданской войны были крайне редки. Вот как охарактеризована политика Франции и Великобритании в телеграмме председателя Верховного управления Северным краем в письме в МИД Временного Сибирского правительства. По окончании военных действий на фронтах Первой мировой войны союзные войска «неохотно остаются в России. Англичане вызывают своих волонтеров, во французском контингенте были неповиновения». Помимо вопросов, касающихся управления войсками, автор документа рассматривает условия их экономической деятельности в России: «Союзники готовы помогать за счет общего долга казны, но не могут без готовых русских знаков». И далее: «Пришлось выпустить рубли, гарантированные неприкосновенными золотыми фондами в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и Риме»¹¹. Аналогичная телеграмма была отправлена российским послом во Франции – В.А. Маклаковым в МИД (г. Омск) от 13 июня 1919 г., сохранившая в фонде МИД правительства адмирала А.В. Колчака: «По Вашему поручению выяснили положение в Лондоне, откуда 20 мая телеграфировал Вам № 235 о готовности Беринга кредитовать под золото принимаемое в Гонконге три миллиона фун[та] выплатой по курсу во всех европейских валютах и образовать синдикат крупнейшими американскими и отчасти французскими банками всего на 10 миллионов фунтов»¹².

Вместе с тем объективное понимание исторического процесса не позволяет сделать однозначный вывод, что бывшие союзники России по Антанте преследовали цель лишь захватить природные и финансовые ресурсы нашей страны, ее стратегические предприятия. Об этом свидетельствуют документы, как центральных учреждений белых правительств, так и международных организаций. К таковым относится, в частности, Межсоюзный железнодорожный ко-

митет, документы которого образуют в архиве самостоятельный фонд. В его составе сохранились журналы заседаний комитета и его структурных подразделений, доклады и телеграммы его представителей, переписка с Министерством путей сообщения Российского правительства.

Председателем организации был министр путей сообщения Российского правительства Л.А. Устругова. В комитет входили представители следующих стран: Великобритании (высокий комиссар Ч. Элиот), Китая (высокий комиссар Лиу-Цинь-Джен), Японии (начальник японской дипломатической миссии Мацудайра), Г.Бургуа (заместитель высокого комиссара Франции), США (депутат Палаты представителей Ч.Смит), Италии (генеральный консул Гаско). Основная задача комитета – восстановить деятельность транспорта на Китайской Восточной и Сибирских железных дорогах. Комитету подчинялись Технический Совет (председатель – американский инженер Дж. Стивенс) и Союзный Совет по воинским перевозкам¹³.

Анализ журналов заседаний свидетельствует, что представители ведущих держав в 1919 г. совершенно не располагали не только военными, но и финансовыми для какого-либо захвата стратегических дорог. Их эксплуатация, по заключению Технического Совета, потребует расхода в миллиард рублей. На заседании комитета от 3 апреля 1919 г. Дж. Стивенс заявил, эти расходы объемлют много таких статей, с которыми он впервые встречается: содержание вооруженной охраны, школ, больниц, церквей, клубов, садов, судебных и административных учреждений и т.п.¹⁴ Изучая подобные источники, следует иметь в виду историю «захватываемых» интервентами объектов, поскольку еще в 1891 г. Сибирская железная дорога рассматривалась как одно из главных средств экономического и культурного развития региона, что требовало огромных капиталовложений.

Когда речь идет об иностранной интервенции, подразумевается не только экономический захват территорий или объектов другой страны, но и особый правовой статус оккупантов. Это как бы предполагает, что интервенты должны пользоваться юридической экстерриториальности в районах действий своих операционных армий, в том числе в судебной практике. Согласно телеграмме посла В.А. Маклакова от 10 фев-

раля 1919 г. такой принцип судопроизводства действительно действовал и признавался правительствами Франции, Бельгии и Великобритании на подконтрольных им территориях России. Однако, как справедливо отмечал посол, русские войска во Франции были подсудны русским судам¹⁵, хотя, добавим, их никогда оккупационными никто не считал.

Выводы. Тезис о захватнической политике интервентов требует нового переосмысления с учетом источниковедческого анализа

документов, а также их конкретизации. Важно обратить внимание не только на действия политического и военного руководства европейских стран, входивших в блок Антанты, но и других государств, участвующих в интервенции: Греции, Италии и др. Желательно новые исследования по истории Гражданской войны в России дополнить и расширить путем использования новых архивных документов, в том числе о деятельности представителей иностранных государств.

¹ Найда С.Ф., Наумов В.П. *Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР*. М., 1966; *Белое движение в Гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию Белого движения. Коллективная монография*. М., 2008; Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. – Репринтное воспроизведение издания. Париж. 1922. М., 1992. С. 214; Лукомский А.С. *Очерки из моей жизни. Воспоминания*. М., 2012. С. 599–662; Великий князь Александр Михайлович. *Воспоминания*. М., 2004. С. 298–313; и др.*

² См.: Ермаков В.П., Гришанин П.И. *Белое движение на Юге России и Антанта: военно-политические и экономические отношения (1918 – начало 1920 гг.)*. Ученые записки. Пятигорск, 2005. Вып. V.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Р-6055. Оп. 1.

⁴ Там же. Р-3809. Оп. 1. Д. 16. Л. 96.

⁵ Там же. Ф. Р-6021. Оп. 1. Д. 2. Л. 202 об.

⁶ «Во Франции начинают сомневаться в дальнейшей склонности России ценить и поддерживать союз». Аналитическая записка князя М.М. Андроникова и С.Ф. Шарапова о реакции французского общества на встречу Николая II и Вильгельма II в Потсдаме в 1910 г. / Публ. подгот. В.Д. Лебедев // *Исторический архив*. 2010. № 6. С. 144–145.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6358. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 1–1 об.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 15. Л. 14.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.

¹² Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

¹³ Там же. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 12.

¹⁴ Там же. Л. 23, 26 – 26 об.

¹⁵ Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 116. Л. 5; Д. 117. Л. 3.

